

Свято место бывает и пусто

Театральные премьеры, спектакли, гастролы, бенефисы, фестивали и конкурсы вошли в культурную жизнь Чувашии, начиная с 1920-х годов. Следуя друг за другом, они образуют настоящий театральный процесс, который идет в республике уже без малого целый век. Как и прежде, в прессе появляются новостные сообщения журналистов о жизни сцены, а теперь и сайты театров и Министерства культуры информируют о новых постановках. Издаются даже книги. Так, актриса Надежда Кириллова опубликовала свои дневниковые записи, представляющие ценный материал для исследователей истории национального театрального образования. Фотожурналист С. Журавлев издал альбом «Актеры Чувашии». В многотомную Чувашскую энциклопедию вошли статьи Г.В. Кириллова, отображающие основные факты деятельности театральных учреждений и творческие биографии их деятелей.

Но с началом «перестройки», сместившей акценты с глубинных вопросов на поверхностную развлекательность в культурной жизни всей страны, систематический и компетентный разговор о сценическом искусстве Чувашской Республики прервался, подменившись «пиаром» и желанием попасть в «мейнстрим». По времени совпал с этим уход из жизни театроведа Фаины Александровны Романовой (1924–1990), преданно служившей своему искусству. Из процесса выпало такое важное звено, как профессиональное театроведение, и это негативно сказывается как на общем состоянии театральной культуры республики, так и на национальном сценическом искусстве в частности.

Об этом говорили члены СТД и сотрудники отдела искусствоведения Чувашского гуманитарного института на «круглом столе» по итогам театрального сезона 2011/2012 гг., где вновь был поднят вопрос о необходимости развития критики и театроведения.

Вспоминая Фаину Александровну, о роли театроведа в культурном пространстве беседуют заведующий отделом искусствоведения Чувашского гуманитарного института доктор искусствоведения Михаил Кондратьев и художественный руководитель Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова народный артист СССР Валерий Яковлев.

Михаил Кондратьев. Фаина Александровна Романова – личность, можно сказать, уже легендарная, потому что, к сожалению, я не вижу после ее ухода человека, который был бы так увлечен идеей, что театр надо не просто наблюдать, не просто ходить на спектакли и писать какие-то случайные отзывы, а анализировать.

Валерий Яковлев. Ну, во-первых, сегодня профессия театрального критика, театроведа стала редкостной и даже, может быть, не престижной.

М.К. Но это не только у нас, а вообще в современной культуре России.

В.Я. Думаю, что у нас особенно. И в связи с этим, конечно, личность Фаины Александровны Романовой предстает как глыба, как необычайно яркое, интересное явление в театральном пространстве.

М.К. Не только ее книги, она сама как личность участвовала в театральном процессе.

В.Я. Попробую это расшифровать. Конечно, сейчас о премьерах пишут журналисты, не специалисты, пишут, как бы это сказать, констатируя. Это все-таки другой подход. Может быть, это пригодится исследователям через пятьдесят – сто лет: что было поставлено, какие артисты играли. А вот такого анализа каждого спектакля, анализа итогов театрального сезона во всех театрах – то, что постоянно делала Фаина Александровна, вот этого нет. И поэтому в нашем театральном пространстве сейчас образовался огромный пробел.

М.К. Ведь Романова и в истории осталась единственной. Рядом с ней начинала Лия Смолянинова, она о русском театре писала, потом уехала в Киев. Кто еще?

В.Я. Кирилл Кириллов немного писал, делал телепередачи.

М.К. Его статьи полны любовью к искусству, их и сейчас интересно перечитывать. Публикуется и его однофамилец Геннадий Кириллов. Он преимущественно фактолог, очень надежный, для

энциклопедии об актерах лучше никто не писал. Но театроведческого подхода у него нет.

В.Я. И в этом смысле, конечно, фигура Фаины Александровны Романовой уникальна для нашей культуры. Думаю, что она остается в золотом фонде театральной жизни будучи не творцом, не исполнителем (актером, режиссером или сценографом), а человеком, как бы объективно наблюдающим и запечатлевающим происходящее для потомков.

М.К. Очень интересное качество – объективность. Она возникает, когда есть подлинный профессионализм и понимание предмета. В отличие от некоторых молодых «информаторов»-журналистов, которые, не особо разбираясь в тонкостях сценического искусства, могут за что-то случайно зацепиться, что-то одобрить, что-то, наоборот, покритиковать, но в таких суждениях никогда не будет объективности.

В.Я. Я хотел бы отметить, что Фаина Романова – человек, влюбленный в театр. Все, что она писала о театре, актерах, режиссерах, в целом о театральной жизни, она всегда делала с доброй душой и любовью. Это очень важно. Но это не значит, что она не критиковала. Конечно, указывала на недостатки, но это было всегда сердечное отношение – и на худсоветах, и в печати. Она прекрасно понимала творческую личность, ее хрупкость, и это ее человеческое качество, такая бережность, сыграли огромную роль. Трудно сказать, бывал ли я обижен после ее выступлений...

М.К. В памяти нет таких зацепок?

В.Я. Не помню. Хотя прекрасно знаю, что она всегда говорила: вот здесь бы так, здесь вот того-то и того-то не хватает.

М.К. И все было по существу!

В.Я. Да.

М.К. Ее замечания надо было принять, подумать над ними...

В.Я. Второе. Конечно, Романова – профессионал. Она знает театр. Знает, что такое художественное творчество. Имеет огромную культуру, образование. Она окончила театроведческое отделение и училась у выдающихся мастеров этого дела, общалась с ними. Она воспитывалась на реалистической школе театра, психологического театра, т.е. это жизнь. Станиславский говорил, что театр изучает жизнь человеческого духа, а Фаина Александровна тоже исследует жизнь человеческого духа и то, как это воплощено. Она знает предмет, который обсуждает, критикует или хвалит. Она, по-моему, не обсуждала, не зная пьесу. Во всяком случае, классику: прежде чем посмотреть спектакль, читала пьесу. Я ученик Марии Осиповны Кнебель. Она нам всегда говорила: «Если вы пьесу не читали, вы не имеете права обсуждать спектакль, работу кого-либо другого».

М.К. То есть, недостаточно смотреть на сцену, надо еще текст знать.

В.Я. И еще: «Если вы смотрели спектакль не полностью от на-

чала до конца, один акт, вы не имеете права участвовать в обсуждении этого материала». Это стало для меня уроком. Сам я редко участвую в обсуждении. Мне кажется, Фаина Александровна жила по этим принципам, она знала материал.

М.К. Я знаю, что она по несколько раз ходила на спектакли.

В.Я. Да, да. И третье. Романова – образованный, интеллигентный человек, интеллектуал, она знала историю, знала материал. Говорю прежде всего об историческом материале пьес. Зная историю, она могла рассуждать свободно, не опасаясь, что ошибется. Конечно, возможно, она и ошибалась в своих суждениях, потому что, как любой человек, она через свое субъективное восприятие все равно пыталась, ощущая зал, объективно осветить то, что видит. Это тоже важно. Не «с кондачка», не с налету. И вот эти качества делали ее уникальным театральным критиком. К сожалению, я уже говорил, после нее, наверное, лет через пятьдесят – сто, если будет жив театр, жив чувашский народ, трудно будет изучить, восстановить, понять то, что было. Поэтому по ее книге «Театр, любимый народом», хотя она может быть в чем-то даже конспективная, можно узнать историю театра, прежде всего первого чувашского театра – академического драматического имени Константина Иванова. Это огромное наследие. Этот труд фундаментален, хотя, может быть, там нет каких-то подробностей.

М.К. Подробности были в ее же газетных статьях. В тех, которые оказалось невозможно вместить в монографию.

В.Я. Да. И я изучаю эту книгу до сих пор.

М.К. Что она дает сегодня, кроме истории?

В.Я. Дает ощущение, что театр, чувашский театр – это детище самого народа. Его духовное, интеллектуальное отображение в театральном пространстве. И шире – понимание театральной жизни в искусстве. Книга рассказывает о том, что у нашего народа есть богатство, есть культура, набранное от самого же народа искусство сценического действия. Оно взято из жизни и воплощено на сцене профессиональным театральным языком. И любой человек, скажем, не знающий Чувашию, чувашский народ, наш театр, прочитав эту книгу, может проникнуться уважением к нашей культуре.

Лицедейство – оно все же всегда было и есть. Думаю, в чувашских обрядах все театрализовано, там везде действие, каноны существуют, в чистом виде они не идут, конечно, на сцену, как-то перевоплощаются режиссером, артистами, но игра остается. Фаина Александровна от истоков, от рождения театра в 1918-м году запечатлела его историю для потомков – за это, конечно, земной ей поклон и благодарность. К сожалению, для второго тома подобного материала никто не накопил...

М.К. Пробел. И какой: тридцать лет жизни национальной сцены.

В.Я. Могу немножко и о себе сказать. Она меня заметила сра-

зу. Сначала как актера в 1961 году в дипломном спектакле «Ромео и Джульетта». Она так щедро отозвалась о роли Меркуцио как одном из главных персонажей пьесы! До сих пор осталось в памяти, как камертон...

М.К. Что она написала, не помните?

В.Я. Буквально не могу процитировать. Ну, что молодой, неплохой понимающий эпоху Ренессанса, в буквальном смысле жизнелюбивая личность, и сам словно персонаж той эпохи, обогащает, делает своего героя одним из главных персонажей спектакля. То есть, Меркуцио выходит на первый план наряду с главными героями – Ромео и Джульеттой.

М.К. Играли студенты, выпускники?

В.Я. Нет, это уже здесь. Бывший дипломный спектакль вошел в репертуар театра. Мы приехали из Москвы с Чувашской студией, где блистали молодые Нина Григорьева, Нина Яковлева, Николай Григорьев и многие другие. И в другом спектакле «Свадьба в Малиновке» мы под симфонический оркестр пели, и я там пел Андрейку, фа-диез, помнится, брал – высоко, тенор. Фаина Александровна его тоже отметила, хотя Меркуцио – это, конечно, более солидная роль. Потом Ванюк в «Ялта» Федора Павлова – она и этот образ зафиксировала в своих выступлениях. И последующие режиссерские работы – она всегда писала о моих спектаклях. Должен признаться, действительно, спектакли были удачные – такие как «Черный хлеб» Ильбекова, или же «Двенадцатая ночь» Шекспира, «Земля и девушка» Терентьева, «Варвары» Горького. Я же мало потом играл. И она всегда отзывалась, анализировала, публиковала статьи в «Коммунизм ялаве», «Советской Чувашии» и других изданиях. Очень много и подробно Романова писала о Нине Яковлевой. По-моему, очень выделяла ее тогда еще, писала, что это актриса без ампула. Действительно, Нина Яковлева в тридцать лет играла как девятидесятилетних старушек, так и молодых героинь. И я навсегда благодарен, что Фаина Александровна, как говорится по Пушкину, «приметила и благословила». Слово критика было для нас мерилom. Всегда прислушивался, может быть, не соглашался, молод был, но что-то, думаю, я менял.

М.К. И тон ее высказываний был такой, что не вызывал на спор.

В.Я. Он был не обидный, не спорили... Фаина Романова была еще общественным деятелем. Всероссийское театральное общество (теперь СТД) меня, молодого режиссера, вовлекало в свою сферу. Мы вместе неоднократно выезжали за пределы республики.

М.К. На гастроли?

В.Я. На совещания. Но и на крупные гастроли она всегда ездила с театром: в Москву, Санкт-Петербург и делала обзоры. Выезжала на пленумы СТД, какие-то совещания региональные.

М.К. В советское время это происходило регулярно.

В.Я. Да. И я тоже участвовал в этих мероприятиях. Если приходилось выступать, надо было быть всегда «на уровне». Я же был стеснительный, зажатый. Но если едешь с Фаиной Александровной, ты словно под защитой. Во-первых, она человек красивый и внешне, и душой. И необычайного обаяния. Где бы она не выступала, зал всегда словно теплел, отзываясь на доброе ее сердце. Она никогда не хвалилась, не била в грудь: «мы-де такие-сякие». При этом всегда гордилась нашим искусством, всегда защищала его на фоне других театров России. Это тоже осталось в памяти.

М.К. Кстати, Валерий Николаевич, я сейчас перебирал ее архив, и нигде нет ни одного документа о ней самой. Сохранились многочисленные ее записи, протоколы заседаний, стенограммы, а о ней ничего не могу найти. А ведь она получала почетные звания, была создателем и руководителем отдела искусствоведения – истинного центра этой области науки в Чувашии. Хотя бы характеристику на нее саму хотелось найти, но нет и все. Она такие вещи, видимо, не складывала в архив.

В.Я. Думаю, что это и наш пробел. Для истории театра она успела запечатлеть многое, касающееся старшего поколения, особенно наиболее выдающихся его представителей: Ольга Ырзем, Алексей Ургалкин, Борис Алексеев. Она писала про них. Мы – последнее поколение, за которым она наблюдала, может быть, еще Ленинградская студия, чуть помоложе нас. А последние наши три поколения артистов выросли уже без Фаины Александровны, без ее доброжелательной критики, опеки. Потом у нее же семья театральная. Муж – известный режиссер Виктор Павлович, колоритная личность, очень талантливый. А сын Павел Викторович – театровед, профессионал. К сожалению, он в Чувашии не работал, но все-таки издал книгу о студийцах, писал о наших спектаклях. Премьера «Прощания с Матерой» не в Чебоксарах состоялась, а на сцене Александринского театра в Ленинграде. И Павел Викторович тогда ходил на спектакли, о Нине Яковлевой писал как об уникальной актрисе. Недавно перечитав, я поразился, такой хороший обзор там: «Ежевика вдоль плетня» и другие спектакли. Фаина Александровна воспитала прекрасного сына, к сожалению, он рано ушел.

М.К. В ее семье сложилась профессиональная среда, это важно. В Чувашии Романова как театровед и критик долгое время оставалась единственной, но рядом были режиссеры, актеры, драматурги. Круг общения ее, наверное, тоже много значил.

В.Я. Это режиссеры Константин Иванович Иванов, в Русском театре актеры Каширская, Пустовойтов. Большие личности были, про них она писала. И у нас: Ольга Ырзем, Борис Алексеев – это же выдающиеся творческие личности...

Еще я хотел бы отметить взаимодействие со зрителем. Романова понимала зрителя. Очень часто мы слышали: платки, деревенские платки в зале. Действительно, это можно оценить двояко. С

одной стороны, «платки» – вроде бы публика еще не искушенная, театрально не очень образованная. Но с другой стороны, не тронутая ложными ценностями, чистая. Вначале, после ГИТИСа, Москвы, меня немножко коробил вид зрительного зала, заполненного «платками». А после того, как я побывал за границей – во Франции, особенно в Америке, – семнадцать спектаклей там посмотрел, заметил, что публика, в общем, такая же, как чувашская. Моментально зажигается, моментально реагирует, плачет или смеется. Вот это же главное. Главное, что наша публика воспринимает сцену сердцем. Конечно, есть и минусы в том, что драматургия интеллектуальная, как скажем Чехов, зарубежные – Пиранделло или Шоу – ее не очень привлекает. Шекспир нашему зрителю ближе, он демократичнее. Но театр с этим не столько борется, сколько пытается притягивать своего зрителя. И Фаина Александровна очень хорошо это понимала. Понимала, что наша публика достойна, чтобы для нее ставили хорошие спектакли, ей, как и детям, надо только хорошее показывать. Но, как ты понимаешь, драматургия бывала разной, и тогда, и сейчас наша чувашская драматургия более слабая... Фаина Александровна вместе с тем всегда предостерегала, что театр не должен идти на поводу у публики... Да, нам не хватает такой личности. Я думаю, что таких театроведов, как наша Ф. Романова, на русской сцене – Г. Бояджиев, А. Дживелегов, сейчас нет. Нынешние молодые, особенно московские театроведы, критики, больше пытаются себя показать: вот я, по Шукшину, «срезал»... А Фаина Александровна всегда думала о будущем театра, о будущем данного конкретного художника, артиста, режиссера. И всегда писала, исходя из этого.